

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 26.

6 ІЮЛЯ 1858.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ). | Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер. иногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ленгольда и въ книжномъ Базупова.

Редакція находится въ Офицерской улицѣ, близъ Большаго Театра, въ домѣ Кптнера, кв. № 33.

Желающіе подписаться на Театральный и Музыкальный Въстникъ, сохраняютъ право на получение всѣхъ номеровъ съ 1-го января, со всѣми приложеніями.

Къ 26-му № прилагаются: Два этюда Мошелеса.

Содержаніе: О неправильномъ преподаваніи пѣнія. — Жизнь Гайдна. — Матеріалы для исторіи музыки. — Молодость Гете. — Бенвенуто Челлини. — Корреспонденція изъ Варшавы. — Иностранный въстникъ. — Музыкальныя извѣстія.

О НЕПРАВИЛЬНОМЪ ПРЕПОДАВАНІИ ПѢНІЯ.

(Статья Стефана де ла Мадленъ.)

Въ преподаваніи пѣнія утвердилось и даже вкоренилось множество ошибокъ и предубѣжденій, которыя довольно трудно истребить, хотя подобныя несообразности никакъ не могутъ выдержать ученаго анализа.

Я уже указалъ въ моей теоріи пѣнія нѣкоторыя ошибки, мѣшавшія развитію многихъ фундаментальныхъ правилъ искусства. Но не довольно уничтожить ложныя понятія, должно преслѣдовать ихъ безъ пощады и силою разсудка убѣдить въ ложномъ направленіи всѣхъ любителей вокальнаго искусства, слѣпо слѣдующихъ рутинѣ.

Я вѣроятно удивлю многихъ, сказавъ, что главная преобладающая ошибка въ этомъ отношеніи та, что большая часть любителей думаютъ, что хорошій пѣвецъ непременно долженъ быть превосходнымъ преподавателемъ. Такое заблужденіе тѣмъ болѣе кажется мнѣ удивительнымъ, что у насъ въ Парижѣ многіе скрипачи и гитаристы даютъ уроки пѣнія.

Конечно, хорошій пѣвецъ имѣетъ много данныхъ, чтобы

считаться хорошимъ преподавателемъ, но скрипачъ также способенъ къ этому занятію, только оба должны непременно посвятить себя спеціальному изученію этого искусства. Пѣвецъ можетъ легче всякаго музыканта приобрести должныя познанія, необходимыя для преподаванія, такъ какъ онъ можетъ испытать на своемъ голосѣ всѣ правила вокализаціи; но для этого надобно трудиться и трудиться.

Подобное изученіе очень трудно; хуже всего то, что каждый артистъ хочетъ употребить свою особенную методу. Но въ первоначальныхъ правилахъ, то есть, въ матеріальномъ развитіи органа и нормальномъ истеченіи звука и механизма, необходимо придерживаться фізіологическихъ данныхъ.

Но гдѣ найти эти данныя?.. Вотъ вопросъ! Италія, которую можно назвать колыбелью пѣнія, открыла большую часть фундаментальныхъ правилъ ученія; каждый учитель передалъ ихъ своимъ ученикамъ, прибавивъ къ тому свои замѣчанія и поправки. Вотъ святое, драгоценное преданіе, котораго ученый Кресцентини, былъ въ наше время, послѣднимъ апостоломъ. Я говорю послѣднимъ, потому, что его знаменитѣйшіе ученики Гара и Гарсія были превосходные практики, но довольно посредственные преподаватели, въ томъ отношеніи, что они ограничивались въ механическомъ изученіи опредѣленіемъ правила, не объясняя его значенія.

Слѣдовательно, тотъ кто хочетъ преподавать съ успѣхомъ, долженъ внимательно изучать преданія Италіи.

Итакъ рѣшено, превосходный пѣвецъ не всегда можетъ быть хорошимъ учителемъ пѣнія.

Голоса раздѣляются на двѣ категоріи: къ первой принадлежатъ тѣ обработанные голоса, которые доведены до такой степени искусства и совершенства, что поютъ натурально, какъ будто слѣдую самымъ точнымъ правиламъ фізіологіи. Безполезно говорить, что подобные голоса такъ богато одаренные всѣми средствами, очень рѣдки.

Ко второй категоріи принадлежатъ тѣ голоса, отъ природы обширныя и звучныя, которымъ недостаетъ должной обработки, или слѣдующіе ложной методѣ, которая погу-

била многія прекрасныя дарованія. Сколько прекрасныхъ голосовъ пропало также, или остались неоцѣненнымъ по тому, что у насъ обыкновенно учатъ пѣть только тѣхъ, въ комъ замѣчаютъ явныя способности, или наклонность къ этому роду искусства.

Но опытомъ доказано уже сто разъ, что каждый чело-вѣкъ, (исключеній очень мало) обладаетъ органомъ, способ-нымъ къ пѣнію.

Продолженіе въ слѣдующемъ №.

ЖИЗНЬ ГАЙДНА.

(Стендаль).

Предисловіе.

Въ 1808 году, я жилъ въ Вѣнѣ и переписывался съ однимъ другомъ, о знаменитомъ композиторѣ Гайднѣ, съ которымъ познакомился нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Возвратясь въ Парижъ, я узналъ, что письма мои напечатаны и имѣли нѣкоторый успѣхъ. Польщенный первой удачей, я рѣшился пополнить описаніе жизни гениальнаго композитора и прибавивъ еще нѣкоторыя подробности, представляю мое скромное произведеніе всѣмъ любителямъ музыки. — Думаю также описать жизнь Моцарта и итальянскаго поэта Метастазіо: Гайднъ служилъ для меня лучшимъ представи-телемъ инструментальной музыки. Моцартъ сравнимый многими съ своимъ знаменитымъ соперникомъ Чимарозой, олицетворялъ оба рода драматической музыки. Жизнь Ме-тастазіо также замѣчательна какъ поэта, подарившаго ита-льянскую литературу поэмами, на которыя многіе знамени-тые композиторы писали музыку. — И такъ начинаю съ Гайдна, жизнь котораго подробнѣе мнѣ извѣстна чѣмъ дру-гихъ.

Стендаль.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Людовику Лету.

Вѣна, 5-го апрѣля, 1808 года.

«Любезный другъ!

«Гайднъ, котораго ты такъ любишь, этотъ рѣдкій чело-вѣкъ, занимающій со славой первое мѣсто въ храмѣ гар-моніи, еще живъ, но артистъ уже не существуетъ.

На концѣ одного изъ Вѣнскихъ предмѣстій подлѣ при-дворнаго парка Шенбрунна, около Маріа-Гильфской грани-цы, есть маленькая улица, пемощенная и заросшая травой, такъ какъ по ней почти не ходятъ. Посреди этой улицы стоитъ маленькій скромный домикъ, въ которомъ живетъ отецъ инструментальной музыки, (а не во дворцѣ Эстерга-зи, какъ ты думалъ, хотя онъ-бы могъ тамъ жить еслибъ захотѣлъ), одинъ изъ гениальныхъ композиторовъ восем-надцатаго столѣтія, бывшаго золотымъ вѣкомъ для му-зыки.

Чимароза, Гайднъ и Моцартъ, только что оставили аре-ну свѣта. Ихъ безсмертныя произведенія еще даются, по скоро ихъ отложатъ въ сторону: другіе музыканты войдутъ въ моду и мы погрузимся въ бездну посредственности. Та-кія мысли всегда приходятъ мнѣ въ голову, когда подхо-жу къ тихому жилищу, гдѣ отдыхаетъ Гайднъ. Стучусь,

мнѣ отворяетъ дверь маленькая старушка, съ добродушной улыбкой, прежняя гуверпантка Гайдна; вхожу по деревян-ной лѣстницѣ, и во второй комнатѣ скромно убранной квар-тиры, вижу молчаливаго старика сидящаго за своимъ бюро, всегда печальнаго и задумчиваго. Когда кто нибудь его навѣ-щаетъ, кроткая улыбка появляется на лицѣ Гайдна, глаза оживляются, голосъ дѣлается ясенъ и звученъ, онъ узнаетъ своего гостя и часто рассказываетъ ему о своей молодости, ко-торую помнитъ лучше чѣмъ послѣдніе годы; вы думаете, что артистъ еще существуетъ, но скоро онъ снова впадаетъ въ прежнее летаргическое и грустное состояніе.

Гайднъ, пламенный, живой, оригинальный, создавшій за своимъ фортепіано дивныя произведенія, воспламенившій всѣ сердца своей музыкой, Гайднъ исчезъ со свѣта! Бабоч-ка распустила свои разноцвѣтныя крылошки и унеслась въ небо, оставивъ на землѣ грубую личинку, не совсѣмъ угас-шіи огонь въ груди его, и когда мнѣ удастся открыть еще не совсѣмъ погасшую искру, я ухажу грустный и взволно-ванный. Вотъ что осталось отъ великаго гения и вотъ все что я могу сказать тебѣ о знаменитомъ Гайднѣ, о кото-ромъ ты настоятельно меня спрашиваешь, любезный Лу-двигъ. Но зная, что ты страстно любишь музыку Гайдна и желаешь ее понять, я могу доставить тебѣ объ ней нѣко-торыя свѣденія. Мое пребываніе въ Вѣнѣ и общество ко-торое я здѣсь вижу, заставляютъ меня подробнѣе говорить о Гайднѣ. Нынче музыка его исполняется въ Мексикѣ и Калькутѣ, въ Неаполѣ и Лондонѣ, въ предмѣстьи Пера и въ гостинныхъ Парижа.

Вѣна прелестный городъ. Представь себѣ, множество двор-цовъ и великолѣпныхъ домовъ, принадлежащихъ богатѣй-шимъ владѣльцамъ. Въ Вѣнѣ семьдесятъ двѣ тысячи жите-лей; въ городѣ много укрѣпленій, обращенныхъ теперь въ пріятныя прогулки. Кругомъ города оставлено довольно об-ширное пространство, покрытое дерномъ и густыми дере-вьями, за этимъ вѣнцомъ зелени, начинаются тридцать два предмѣстья Вѣны, гдѣ живутъ сто семьдесятъ тысячъ жите-лей всѣхъ классовъ. Величественный Дунай протекаетъ сре-ди города и отдѣляетъ его отъ Леопольдштадскаго пред-мѣстья; на одномъ изъ острововъ рѣки находится знаме-нитый Пратеръ, главное мѣсто гулянья Вѣнской аристокра-тіи, не уступающее Тюльерійскому саду въ Парижѣ, Гайдъ-Парку въ Лондонѣ, Прадо въ Мадридѣ и мн. др. Видъ съ этого острова удивительный; густыя каштановыя аллеи пе-ресекаютъ его во всѣхъ направленіяхъ, а когда дойдешь до берега Дуная, то глазамъ представляются живописныя горы: Леопольдсбергъ, Каленбергъ и др. Этотъ чудесный садъ Вѣны, не тронутъ еще человѣческою рукою и красуется въ своемъ первобытномъ величій; не знаю почему Пратеръ всегда казался мнѣ живымъ изображеніемъ гения Гайдна.

Въ самой Вѣнѣ, зимнемъ мѣстопробываніи князей Эстер-гази, Пальфи, Траутмансдорфъ и другихъ вельможъ, живу-щихъ съ царскою пышностью, еще не развился блестящій умъ, который можно было встрѣтить въ салонахъ Парижа до революціи. Осторожность, никогда не оставлявшая уче-ную политику Австрійскаго дома, привела народъ къ болѣе физическимъ удовольствіямъ.

Австрійскій домъ какъ извѣстно, имѣлъ частыя сообщенія съ Италіей и многіе изъ австрійскихъ принцевъ родились въ этой странѣ. Всѣ аристократы Ломбардо-Венеціанскаго государства, пріѣзжающіе въ Вѣну, занимаются музыкой, которая сдѣлалась съ нѣкоторыхъ поръ преобладающей страстью Вѣнскихъ жителей, Метастазіо *) жилъ 50 лѣтъ въ Вѣнѣ и написалъ тамъ нѣсколько прелестныхъ оперъ, которыя наши мелкіе парижскіе литераторы, подражающіе Лагарпу, приписываютъ за несовершенныя трагедіи. Вѣнскія женщины хороши собой, съ роскошными формами и превосходнымъ цвѣтомъ лица; простодушный и задумчивый видъ сѣверныхъ нѣмокъ соединяется съ увлекательнымъ кокетствомъ вліянія придворной жизни. Музыка, какъ я уже сказалъ, нарушила обыкновенное нѣмецкое величіе и не возмутимості; самые знатные сановники имперіи сдѣлались директорами трехъ оперныхъ театровъ; они-же учредили Музыкальное Общество и многіе изъ нихъ издерживаютъ для поддержанія этого общества восемь и десять тысячъ фр. въ годъ. Не спорю, въ Италіи болѣе любятъ музыку, но за то изящныя искусства не такъ щедро поощряются. А вѣдь Гайднъ родился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Вѣны, Моцартъ, не много далѣе, около Тиролискихъ горъ, а Чимароза написалъ свой *Тайный Бракъ* въ Прагѣ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ МУЗЫКИ.

ПРИДВОРНАЯ И САЛОННАЯ МУЗЫКА ВЪ ПОЛЬШѢ.

(Альберта Совинскаго).

Древніе короли Польши покровительствовали музыкѣ, и при дворѣ ихъ жили многіе артисты, которые назывались *musicus regius*. Придворная музыка не такъ давно утвердилась въ Польшѣ какъ церковная, которая сдѣлалась извѣстна около тринадцатаго столѣтія. Въ старинныя времена, королевѣ и многихъ знатныхъ лицъ встрѣчали трубами и цымбалами, а позднѣе флейтами и другими духовыми инструментами. Первый подобный примѣръ описанъ въ исторіи (см. Нарушевичъ, т. I с. 58.) по случаю вѣзда князя Збигнѣва въ Краковъ, въ 1096 году, когда онъ пріѣзжалъ навѣстить своего отца. За княземъ слѣдовали музыканты, игравшіе на флейтѣ, на барабанѣ, также и пѣвцы. *) Когда умеръ его отецъ, король Владиславъ Германъ, то въ погребальной процессіи участвовали пѣвцы, трубаки и барабанщики. Возвращеніе Казимира I, въ Польшу, послѣ пребыванія его въ монастырѣ Клоуни, отпраздновалось веселымъ пѣніемъ. Народъ привѣтствовалъ короля; воспѣвая: *«Ah witajże nam miły Hospodinye!»* Историкъ Галлъ упоминаетъ о двухъ пѣсняхъ въ честь Болеслава Криворотого. Первая о походѣ короля въ Кольбергъ, другая хвалебная.

*) Родился въ 1698 г. пріѣхалъ въ Вѣну въ 1750 и жилъ тамъ до 1782 года.

*) Этотъ же самый князь Збигнѣвъ имѣлъ переговоры съ Болеславомъ Криворотымъ пріѣхавъ съ музыкой на жѣсто свиданія.

Coesari vero cantilena populi displice bat «Eamque cantari soepissime prohibebat,» Королева Анна Алдона Гедеминъ супруга Казимира Великаго, была воспѣта за любовь ея къ музыкѣ. Королева Ядвига, обожаемая народомъ, занималась музыкой и танцами. Ея супругъ, Король Владиславъ Ягеллонъ любилъ слушать пѣніе соловья; онъ сильно простудился наслаждаясь въ холодную ночь пѣніемъ крылатога барда и вскорѣ послѣ того умеръ. Почти всѣ принцы, происходившіе изъ роду Ягеллоновъ любили музыку. При дворѣ короля Александра жилъ знаменитый Генрихъ Финкъ, а король Іоаннъ Альбертъ покровительствовалъ Герману Финку, который посвятилъ королю свое сочиненіе, подъ названіемъ *Practica musica*.

Сигизмундъ I, основавшій коллегію Роратистовъ, для исполненія мессы, имѣлъ при своемъ дворѣ музыкантовъ играющихъ на лютиѣ, которые должны были развеселять короля. Они получали жалованье пятнадцать серебрянныхъ марковъ, маркъ стоилъ въ 1511 г. отъ 21 до 24 польскихъ флориновъ по 10 грошей. Мы находимъ въ лѣтописяхъ этого царствованія Косцелескаго (1510—1511) что трубаки получали три гроша, молодые игроки на лютиѣ одинъ маркъ 12 грошей и тогдашній грошъ стоилъ 13 грошей нынѣшней монеты. Тотъ же историкъ прибавляетъ, что когда папскій легатъ послалъ своихъ музыкантовъ съ поздравленіемъ къ королю польскому, они получили въ подарокъ одинъ маркъ серебра, а ихъ глава маркъ 24 гроша. Два королевскіе музыканта на лютиѣ получали по шести флориновъ въ годъ. Изъ этихъ подробностей видно какіе инструменты употреблялись при дворѣ королевъ Польскихъ. Сигизмундъ I, женатый на итальянкѣ Бона Сфорца, содержалъ много итальянскихъ музыкантовъ, пріѣхавшихъ въ Польшу въ свитѣ королевы. Сигизмундъ-Августъ, его сынъ, имѣлъ превосходную капеллу. Знаменитый игрокъ на лютиѣ, родомъ Венгерецъ, имя котораго неизвѣстно былъ въ его службѣ. Королева Анна, сестра Сигизмунда-Августа, покровительствовала коллегіи Роратистовъ; письма ея адресованныя къ аббату Зайонцу, директору капеллы, очень замѣчательны.

Эпоха изобрѣтенія *полонеза* неизвѣстна; должно быть танецъ этотъ придуманъ при дворѣ. Его мелодія отличается простотой, но по воинственному размѣру, въ немъ есть сходство съ военнымъ маршемъ. Музыка полонеза вообще торжественна и оканчивается особымъ образомъ, характеризующимъ этикетъ среднихъ вѣковъ. Такое-же окончаніе находимъ и въ пѣснѣ Боги-Родзинца, въ аллегретто.

Когда Генрихъ III вѣзжалъ въ Краковъ, его встрѣтилъ великолѣпный кортежъ, въ которомъ находились лучшіе трубаки, флейтисты и барабанщики, исполнившіе въ первый разъ торжественный маршъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи знаменитымъ; его называютъ по польски *Тарантара*; онъ играется во всѣхъ большихъ церемоніяхъ. Музыканты не играли слишкомъ трудныхъ классическихъ пѣсней и ограничивались военными, или церковными пѣснями и нѣкоторыми народными.

Послѣ смерти короля Евгенія Баторія нашли въ его вещахъ нѣсколько сундуковъ, наполненныхъ музыкальными инструментами; тутъ были, большой *праздничный органъ*,

клавесинъ или униссонъ; большой ящикъ въ которомъ находилось нѣсколько скрипокъ; другой ящикъ съ свирелью; ящикъ въ которомъ лежали флейты тромбонъ-теноръ, охотничій рогъ, тромбонъ-кварта, три маленькихъ тромбона и рожки; кромѣ того шесть партитуръ писанной музыки. (См. Записки Эдуарда Речинскаго о царствованіи Евгенія Баторія, изданныя въ 1830 году.)

Многіе инструменты вырѣзаны на памятникѣ Сигизмунда-Августа, въ Краковскомъ соборѣ; а именно: арфа, рогъ, труба, скрипка и гитара.

Въ царствованіе Сигизмунда III, музыка сдѣлала большіе успѣхи въ Польшѣ. Король очень любилъ это искусство. Изъ записокъ Волковича мы узнаемъ, что королевская капелла, составленная изъ итальянскихъ и польскихъ музыкантовъ стоила 12 тысячъ экю въ годъ; при ней было одиннадцать трубачей и три барабанщика.

Станиславъ Горка, палатинъ Позена, жилъ совершенно царски. У него долгое время гостилъ знаменитый Германъ Финкъ сочинитель извѣстной: *Practica musica*, посвятившій Горкѣ свое произведеніе и съ благодарностью вспоминающій въ предисловіи о милостяхъ къ нему семейства Горки.

Іоаннъ Замойскій имѣлъ многочисленный оркестръ и хоръ пѣвцовъ.

Владиславъ IV большой знатокъ и покровитель искусствъ устраивалъ концерты при дворѣ; въ его царствованіе въ первый разъ дана въ Польшѣ итальянская опера. Владиславъ часто ѣздилъ въ Ченстоховскій монастырь, славившійся чудотворнымъ образомъ Пресвятой Дѣвы, и пѣлъ тамъ священныя гимны съ духовенствомъ.

Извѣстно, что Іоаннъ Казиміръ отказавшись отъ Польской короны, прибылъ во Францію, гдѣ и умеръ аббатомъ монастыря *Saint-Germain-des-Prés*. Онъ похороненъ въ церкви монастыря, могила его единственный памятникъ древняго аббатства. Казиміръ былъ арестованъ въ Марсели по приказанію кардинала Ришелье, и заключенъ въ Венсенскій замокъ. Въ грустномъ заточеніи утѣшалъ Казимира его вѣрный служитель Петръ Эгеръ, игрой на лютнѣ.

Король Іоаннъ Собѣскій, любилъ музыку и имѣлъ прекрасную капеллу въ своемъ помѣстьи, въ Галиціи, куда пріѣзжалъ отдыхать послѣ своихъ воинственныхъ подвиговъ. Королева Марія-Казимира хорошо играла на клавесинѣ; у ней былъ превосходный инструментъ, подаренный императрицей Австрійской. Музыка короля состояла изъ скрипокъ и духовыхъ инструментовъ и органа.

Въ царствованіе Саксонскихъ королей, инструментальная музыка сдѣлала быстрые успѣхи. Августъ II, издерживалъ много денегъ на свою капеллу. Итальянская опера была представлена три раза въ пѣдлю въ Варшавѣ; публика допускалась въ театръ даромъ. Оркестръ польскаго короля, составленный изъ отличныхъ музыкантовъ, считался первымъ въ Германіи. (См. статью о Фридрихѣ-Августѣ III.)

Такъ называемая салонная музыка была уже знакома въ Польшѣ въ началѣ XVII столѣтія. Любили слушать пѣніе съ акомпаниментомъ лютни; играли на рыляхъ (*Kobza*)

на флейтѣ, на клавесинѣ, на органѣ, на мандолинѣ, на скрипкѣ и проч. Квартеты вошли позже въ употребленіе.

Въ Литвѣ употребляли скрипки, дудки (небольшіе флейты) цымбалы (*cytbały*), варганы привезенные Венгерцами; были также и деревянные трубы, остатокъ древнихъ зурми (*rogiwo*).

Военная музыка состояла изъ трубъ, тромбонъ и барабановъ, до введенія турецкой музыки, увеличившей еще болѣе число оглушительныхъ инструментовъ; тутъ вошли въ употребленіе цымбалы, флейты, колокола, барабаны и пр.—Во время междоусобицъ запрещено было заниматься музыкой въ знакъ траура. *) Въ обыкновенное время музыка играла за королевскимъ столомъ; духовые инструменты чередовались съ струнными и съ голосами пѣвцовъ.

Маски имѣли свою особенную музыку. Наканунѣ большихъ праздниковъ музыка играла на одной изъ городскихъ башенъ. Восходъ солнца возвѣщался звукомъ трубъ съ высоты башенъ Кракова.

Мы уже сказали, что король Станиславъ Понятовскій много способствовалъ къ развитію музыки въ Польшѣ. Его капелла, составленная изъ иностранныхъ и польскихъ музыкантовъ считалась лучшей въ Европѣ. Въ его царствованіе открылась польская національная опера. Многіе вельможи содержали оркестры въ своихъ помѣстьяхъ; назовемъ между прочими князей Огинскихъ и графовъ Виельгорскихъ. Главы этихъ фамилій, покровительствовали артистамъ и содѣйствовали своими талантами къ увеличенію блеска салонной музыки. Произведенія князя Михаила Огинскаго, полныя изящной прелести сдѣлались популярными во всей Европѣ; его восхитительные полонезы вполнѣ олицетворяютъ характеръ національной музыки. Въ эту же эпоху прославились и другіе знатные любители. Князья Лудвигъ, Карлъ и Антонъ Радзивиллы, князь К. Любомірскій, графы Ледоховскіе, Полановскіе, Комаровскіе, развили еще болѣе любовь къ музыкѣ въ высшемъ обществѣ. Прекрасно исполняли многія трудныя піесы, у графа Браницкаго, графа Мельзинскаго, у князя Зулковскаго, въ замкѣ Влоцкоковичѣ, гдѣ знаменитый Карлъ Курпинскій началъ свою музыкальную карьеру. Превосходные оркестры также были у графа Антона Тизенгаузена, въ Гроднѣ; у князя Августа Зулковскаго, въ замкѣ Ридзинѣ; у князя Д. Радзивилла въ Пизвичѣ; у князя Друцкаго-Любецкаго въ Пинскомъ уѣздѣ, въ Литвѣ; у князя Михаила Любомірскаго въ Дубно; у графа Ильинскаго въ Романовѣ; у графа Головинскаго въ Миклачовкѣ, въ Украинѣ; у графа Стецкаго въ Медзирцѣ и у многихъ другихъ польскихъ вельможъ. Эти просвѣщенные любители, привлекая въ свое отечество иностранныхъ артистовъ, распространяли любовь къ искусствамъ въ польской аристократіи, отличавшейся всегда изящнымъ умомъ и религіознымъ чувствомъ.

*) По смерти Болеслава Храбраго. (См. Мартина Галла.)

МОЛОДОСТЬ ГЁТЕ.

III.

Приведенныя нами нѣсколько страницъ писемъ, «дорогія свидѣтели прошедшихъ дней» содержатъ въ себѣ всю переписку Фредерика, обнародованную Пфейферомъ. Достаточно прочесть ихъ, чтобъ получить идею о впечатлѣніи какое произвелъ двадцатилѣтній Гете на нѣжную и кроткую душу молодой дѣвушки. Что же касается до чувствъ, которыя испытывалъ поэтъ, то онъ самъ передаетъ намъ ихъ. Объ этомъ періодѣ своей жизни Гете говоритъ съ увлеченіемъ и такъ сказать рисуетъ картину своего счастья, которымъ онъ наслаждался и которое ставитъ выше всего на свѣтѣ. «Любовь мою» шепчетъ Вольфгангъ, «если и можно сравнить съ весеннимъ цвѣткомъ, съ звѣздами ночи, съ пѣніемъ майскаго соловья, съ дыханіемъ вѣтерка, то все-таки вы не получите объ ней полнаго представленія». Гете совѣтъ не былъ ни мечтателемъ, ни энтузіастомъ, но посмотрите сколько чувства, сколько огня въ описаніи его счастливыхъ дней. Пятьдесятъ лѣтъ прошло послѣ пастушеской драмы, разыгранной въ Сезенгеймѣ, а онъ говоритъ объ ней, какъ будто это было вчера, не забываетъ малѣйшихъ подробностей и увлекаясь, думаетъ, что ояъ еще все въ Сезенгеймѣ съ своей милой Фредерикой. Она всегда передъ его глазами: «Я еще вижу еѣ, говоритъ онъ, вотъ она въ бѣломъ, простынькомъ платьѣцѣ, съ прелестной таліей, маленькія ножки ея обуты въ червыя башмаки, передникъ изъ черной тафты, такъ что по наряду не узнаешь ктѣ она—крестьянская дѣвушка или дочь пастора. Она была такъ нѣжна и воздушна, что можно было думать, что вотъ, вотъ улетитъ сейчасъ на небо въ сонмъ херувимовъ; роскошныя кудри ея лѣтской головки казались тяготили ея тонкую и нѣжную шею. Голубые глаза ея горѣли небеснымъ огнемъ, а сама она была такъ беззаботна и весела какъ будто и не имѣла понятія о тѣхъ печаляхъ и страданіяхъ, которыя непременно выпадаютъ на долю каждаго смертнаго. Она любила свободу и почти постоянно была на чистомъ воздухѣ. Во время нашихъ прогулокъ, она ни на минуту не умолкала и не позволяла задумываться, казалось сама природа пріѣтствовала каждый шагъ ея, при ея взглядѣ распускались цвѣты, пѣли птицы и все окружающее радовалось ея появленію. Подобно дикой лани, бѣгала она по горамъ и долинамъ и инстинктъ руководилъ ею повсюду».

13 апрѣля 1771 года, Гете пріѣхалъ въ Сезенгеймъ съ намѣреніемъ провести тамъ нѣсколько недѣль. Вольфгангъ и Фредерика уже отличали другъ друга отъ прочихъ обыкновенныхъ посѣтителей пасторскаго домика и достаточно было нѣсколькихъ взглядовъ, чтобы взволновать ихъ юныя сердца. Въ этотъ день, въ приходскомъ домѣ собралось большое и веселое общество. Фредерика какъ хозяйка заботилась о пріемѣ гостей и поспѣвала всюду. Пятнадцатилѣтняя Фредерика, съ своей небесной чистотой и поразительно-прекраснымъ лицомъ, не могла не понравится Вольфгангу, онъ чувствовалъ что любовь къ пей съ каждой ми-

нутой растетъ въ душѣ его, Фредерика радовалась веселости гостей и была такъ мила и любезна съ Гете, что молодой страсбургскій студентъ окончательно плѣнился ею.

Послѣ обѣда, все общество раздѣлилось на кружки, совѣхъ сторонъ слышался говоръ и смѣхъ, а Вольфгангъ и Фредерика бѣгали отъ одного къ другому и устроивали различныя игры.

Предложена была игра въ фанты. Тотъ, кто забывалъ или неисполнялъ всѣхъ законовъ игры, долженъ былъ платить штрафъ. Молодые люди наставляли, чтобъ этотъ штрафъ состоялъ въ поцѣлуѣ и доказывали что фанты должны быть самые пѣжныя въ такихъ невинныхъ играхъ, а что же можетъ быть невиннѣе поцѣлуя! Вольфгангъ и Фредерика были согласны съ общимъ мнѣніемъ, и послѣдней скоро пришлось заплатить фантъ Гете. Посреди шума и смѣха раздался страстный и нѣжный поцѣлуй и навѣки соединили души влюбленныхъ. Въ альбомѣ Фредерики хранились стихи Гете, въ которыхъ описанъ этотъ праздникъ въ Сезенгеймѣ и первый поцѣлуй, полученный отъ нее Вольфгангомъ.

«Несчастіе! несчастіе вѣчное да постигнетъ ту, которая осмѣлится послѣ меня, тронуть эти щеки!» Страшное проклятіе Луцинды ожесточенной на любимого ею Вольфганга, который ее презиралъ, пришло на умъ Гете. Какой-то непреодолимый ужасъ и суевѣріе овладѣли имъ и онъ не смѣлъ приблизиться къ молодой дѣвушкѣ, боясь навлечь на нее несчастіе и быть причиной ея страданій. «Она не первая» шепталъ подсмѣиваясь Мефистофель въ отвѣтъ на рыданія *Фауста*, оплакивающего судьбу *Маргариты*, но другой голосъ говорилъ что проклятіе равно лежитъ на всѣхъ, дотрогивающихся до запрещеннаго плода. Да, ты не должна быть первою, ты милая и нѣжная дочь пастора Бріона, и злая Луцинда не знала какое непорочное и чистое сердце предавала проклятію! Но страстная любовь побѣдила пустой страхъ и стоило только Фредерикѣ сказать слово, чтобы всѣ опасенія Гете исчезли, и оно понятно, что двадцатилѣтній юноша не всегда думаетъ о будущемъ непріятномъ, наслаждаясь пріятнымъ настоящимъ.

Вечеромъ устроили танцы, потомъ когда уже луна освѣтила землю своими серебряно-матовыми лучами, все общество отправилось гулять въ рощу. Вольфгангъ и Фредерика отдѣлились отъ толпы и сѣли вдали отъ шумнаго говора гостей, никто не слышалъ сладостнаго шопота влюбленныхъ, и только легкій весенній вѣтеръ уносилъ вмѣстѣ съ своимъ полетомъ звукъ поцѣлуевъ.

Они долго разговаривали, потомъ наступило молчаніе, вѣроятно въ это время Гете мечталъ о будущемъ: а вдали слышны были звуки деревенскаго оркестра, подъ музыку котораго танцовали развеселившіеся гости.

Пребываніе Гете въ Сезенгеймѣ продолжалось болѣе мѣсяца. Во все это время Вольфгангъ не разставался съ Фредерикой и постоянно гулялъ съ нею, изучилъ до малѣйшей подробности всѣ окрестности Сезенгейма. «Мы жили, говоритъ онъ, безъ всякаго надзора и располагали собой по собственному произволу, захотѣли гулять—гуляли, вздумалось посѣтить пріятелей, сосѣдей,—никто не препятство-

валъ нашему намѣренію и всѣ принимали насъ съ распростертыми объятіями. Мы не ограничивались посѣщеніемъ деревень, долинъ и лѣсовъ, лежащихъ по ею сторону Рейна, иѣтъ, катаясь по рѣкѣ мы останавливали свою лодку на противоположномъ берегу и часто посѣщали Филиппбургъ и тамъ встрѣчали многихъ изъ своихъ знакомыхъ.

Въ Сезенгеймѣ были постоянно гости и добрый Вейландъ часто пріѣзжалъ изъ Страсбурга, чтобы полюбоваться на молодежь и поговорить съ умнымъ старикомъ Бріономъ, который глубоко читалъ свою обязанность—проповѣдывать, и такъ много занимался чтеніемъ и составленіемъ проповѣдей, что не замѣчалъ и не зналъ всего, что дѣлается у него въ домѣ. Часто вся семья и знакомые собирались въкрутъ почтеннаго старика и онъ, съ должнымъ благоговѣніемъ, читалъ имъ Евангеліе о разрушеніи Іерусалима или притчу о заблудшемъ сынѣ. Всѣ съ большимъ вниманіемъ слушали пастора, который часто останавливался для отдыха, въ это время Вольфгангъ и Фредерика обмѣнивались взглядами и кто знаетъ, можетъ быть съ нетерпѣніемъ ожидали конца проповѣди!

Гете часто становился грустнымъ и задумчивымъ, даже въ самыя веселыя минуты жизни въ Сезенгеймѣ. Можетъ быть мысль о будущемъ преслѣдовала его. Онъ хорошо понималъ, что подобное счастье не можетъ быть продолжительно. Тогда онъ старался развлекать свои грустныя мысли серьезными занятіями и сколько разъ Фредерика заставляла его за бумагами и книгами. Тогда *Гомеръ, Оссіанъ и Шекспиръ* утѣшали его, онъ переводилъ изъ Оссіана *Плачь Зельмы*, стихи лились изъ умной головы Гете, по увы! въ нихъ не было и тѣни Оссіана, не *Плачь Зельмы* описывали они, а перечисленіе достоинствъ Фредерики и его собственную любовь. Такъ сохранился самый маленькій томъ, подъ заглавіемъ: *Собраніе сезенгеймскихъ пѣсень*, написанныхъ бѣгло и на извѣстные случаи и выражающія только любовь и счастье быть любимымъ. Въ нихъ не говорится ни про горе, ни про печаль, иѣтъ въ нихъ ни сомнѣній ни ревности, которыя превращаютъ любовника въ страдальца скованнаго цѣпями. Сезенгеймскія пѣсни Гете дышатъ только любовью и благодарностью къ Богу, за ниспосылаемое счастье.

(Продолженіе впродъ).

БЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ.

Статья Делаборда.

(Продолженіе).

Бенвенуто Челлини съ гордостью упоминаетъ о медаляхъ, сдѣланныхъ имъ въ разное время. По его словамъ, медали эти заслужили всеобщее удивленіе и были предпочитаемы знатоками образцовымъ произведеніямъ древности. Не думаемъ, чтобы теперь имѣли такое лестное мнѣніе о медаляхъ Челлини и чтобы, по сравненіи ихъ не только съ памятниками древности, но даже съ медалями прежнихъ итальянскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, отдавали предпочтеніе медалямъ Челлини. Скорѣе будетъ высказано против-

ное мнѣніе. Пусть только сличать медаль, изображающую Климента VII, которою такъ гордился Челлини, съ медалями работы Пизанелло и Маттео де Пасты, сдѣланными въ половинѣ предъидущаго столѣтія, — увидать, что портретъ Папы слабо выполненъ и неимѣетъ опредѣленнаго выраженія, тогда какъ портреты на сличаемыхъ медаляхъ проникнуты жизнью, полнотою стили и точно опредѣленнымъ выраженіемъ каждаго лица. Заключение будетъ высказано еще рѣшительнѣе, если вмѣсто изображенія Климента VII, поставить, для сличенія, изображеніе Павла III или медаль, изображающую Александра Медичи. Въ сравненіи съ искусствомъ предшественниковъ и даже нѣкоторыхъ со-временныхъ мастеровъ, въ томъ числѣ Грекетто и Бернарди, искусство Челлини не представляетъ ничего, кромѣ ловкаго производства работы; но и это достоинство принадлежить не исключительно одному флорентинскому золотыхъ дѣлъ мастеру; оно, почти въ равной степени, встрѣчается въ медаляхъ учениковъ, наиримѣръ въ медали Паоло Гоззи, изображающей Филиппа II. Слѣдовательно, тутъ дѣло не въ особенномъ какомъ либо умѣни подмѣтить и передать натуру, а въ ловкой и часто до мелочи тщательной отдѣлкѣ и въ способахъ производства работы. Секреты этого рода обыкновенно разглашаются и, потому, неудивительно, что Челлини открылъ ихъ всѣ въ сочиненіи о золотыхъ дѣлахъ мастерствѣ и что нашлись люди, способные воспользоваться этими открытіями. Впрочемъ, будемъ справедливы: иногда въ Челлини являлись признаки высшаго дарованія и доказательствомъ тому служитъ медаль его, изображающая Франциска I; произведеніе это отличается характеромъ героическимъ безъ преувеличенія, выраженіемъ точнымъ безъ сухости, и хотя мѣстами замѣчается въ этомъ произведеніи исполненіе принужденное, однако оно показываетъ вкусъ и стремленіе къ высокому стилю.

Странно, что Челлини, тщательно записывавшій всѣ свои произведенія, даже незначительныя, прошелъ молчаніемъ, въ сочиненіи о золотыхъ дѣлахъ мастерствѣ и своемъ жизнеописаніи, медаль, изображающую Франциска I. Нѣсколько разъ онъ упоминаетъ о медали, сдѣланной имъ для Климента VII, но не говоритъ ни слова о медали съ изображеніемъ Франциска I, между тѣмъ она есть несомнѣнное его произведеніе, подписана его именемъ и представляетъ лучшій образецъ работы его въ этомъ родѣ. Подобный пропускъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что все относящееся къ пребыванію художника во Франціи, къ работамъ его въ этой странѣ и даже случаи, нисколько не касавшіеся искусства, рассказаны имъ подробно: въ доказательство можно привести описаніе путешествій Франциска I, который, какъ пишетъ Челлини, перѣзжалъ изъ одной резиденціи въ другую не иначе какъ въ сопровожденіи 18,000 человекъ и, при этомъ, 12,000 лошадей употреблялось собственно для перевозки вещей двора. Какимъ образомъ, человекъ, со-бравшій всѣ эти свѣдѣнія о Францискѣ I, могъ позабыть о сдѣланной имъ самой медали съ изображеніемъ этого государя? Какъ онъ пропустилъ такой удобный случай похвалиться своимъ талантомъ и высокою вѣнностью Королю, которою онъ пользовался?

Какъ бы то ни было, извѣстно, что Челлини, оставивъ службу Павлу III, перѣхалъ во Францію и прожилъ около 3-лѣтъ въ Фонтенбло и Парижѣ. Предъидущіе годы были ознаменованы многими приключеніями: убійства, заключеніе въ темницу, всевозможныя волненія, со включеніемъ любовныхъ шашней,—всего случалось въ прошедшей жизни художника, и слѣдующій періодъ его жизни вполне соответствовалъ предъидущему. Нѣкоторые полагаютъ, что современные нравы допускали эту невѣроятную смѣсь дикой страсти съ образованнымъ разумомъ, безприветвенности съ талантомъ, и хотѣли этимъ извинить безстыдство, съ какимъ Челлини хвастается убійствомъ и проведенной въ развратѣ ночью, точно также какъ хвалялся бы произведеніемъ искусства или минутой вдохновенія.

Переводчикъ жизнеописанія Челлини, Декланше выражается еще рѣшительнѣе: въ предисловіи къ своему переводу онъ говоритъ, что страсти Челлини были страстями всей Италіи, заблужденія его—заблужденіями вѣка и странности—общія всей эпохѣ возрожденія. Боже насъ сохрани сравнивать всѣхъ людей или только однихъ художниковъ XV столѣтія съ такимъ оригиналомъ, слабости Рафаэля, искупленныя его жизнію, съ заблужденіями, стоявшими жизни другимъ, благородныя страсти и гордость Микель-Анжело съ этимъ глупымъ тщеславіемъ и разбойническими страстями! Нѣтъ, человекъ, поражающій во Флоренціи, Римѣ и Парижѣ всякаго, кто оскорбляетъ его самолюбіе и мѣшающаго его честолюбивымъ видамъ; убійца, махающій княжалою въ присутствіи тѣхъ, кого онъ не боится, и поражающій во тѣхъ противниковъ опасныхъ: сластолюбивый сатранъ низшаго разбора, платящій кровавымъ возмездіемъ за невѣрность^{*)},—нѣтъ, такой человекъ не можетъ олицетворять въ себѣ цѣлаго сословія, а тѣмъ болѣе—цѣлой эпохи. Можетъ быть, въ нѣкоторомъ отношеніи онъ напоминаетъ страсти итальянцевъ и чувственность эпохи возрожденія; но признать его всеобщимъ характеромъ и типомъ было бы нелѣзно. Общество, составленное изъ подобныхъ людей было бы просто собраніемъ разбойниковъ, и товарищей подлѣ пару художнику этого разбора слѣдовало бы искать не между современными ему художниками, не-причастными, но крайней мѣрѣ, подобнымъ преступленіямъ, но между художниками, жившими въ разныя времена и запятнавшими себя какимъ нибудь гнуснымъ преступленіемъ, какъ на примѣръ Андреа де Кастаньо—убійцу Доменико Вепезіано и Белизаріо Корензіо—отравителя Доминикана.

Вѣроятно, Челлини, до прибытія своего во Францію, былъ извѣстенъ только за искуснаго золотыхъ дѣлъ мастера. Король принялъ его необыкновенно благосклонно и, съ первыхъ же дней, осыпалъ его милостями и завалилъ работою. Въ добавокъ къ тому, Францискъ I, пожаловалъ ему грамоту на гражданство, титулъ сеньора замка Пейн—Нельи,—замка, бывшаго почти на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находятся зданія института, и, наконецъ, пожизненное

владѣніе этимъ замкомъ и право въ немъ жить одному. Однако, это право не обошлось ему безъ хлопотъ. Многія лица, водворившіяся съ давняго времени въ замкѣ и принадлежащихъ къ нему постройкахъ, сначала было отказались оставить мѣсто своего жительства. О числѣ семействъ и разнообразіи бывшихъ въ замкѣ промышленныхъ и другихъ заведеній можно судить по тому, что въ это время находились въ немъ, между прочимъ, жёдепомъ, заводъ для гонки спирта, типографія и селитренная фабрика. Новый сеньоръ замка былъ не такой человекъ, чтобы требовать ввода во владѣніе обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ. Онъ вооружилъ своихъ учениковъ и работниковъ, сдѣлалъ настоящій приступъ къ замку, вытѣснилъ упрямецъ изъ разрушенныхъ имъ яцлицъ и побросалъ ихъ мебель за окна. Къ несчастію, нѣкоторые лица, вытѣсненныя имъ изъ замка, находились подлѣ покровительства герцогини Дегамъ. Художникъ неумѣлъ списать ея расположенія и, потому, неудивительно, что она, узнавъ о происшествіи, рассказала обо всемъ Королю. Францискъ I нашелъ поступки Челлини неприличными. По этому дѣлу возникъ процессъ и продолжался законнымъ порядкомъ до тѣхъ поръ, пока истины, послѣ свиданія съ отвѣтчикомъ, не взяли своей жалобы обратно. Челлини передалъ намъ подробности этого свиданія. «Когда я увидѣлъ» говоритъ онъ, «что мнѣ угрожаетъ приговоръ суда и что мнѣ нельзя было полагаться ни на чью защиту, то я прибѣгнулъ къ своему княжалу. Прежде всего я рѣшился раздѣлаться съ человекомъ начавшимъ этотъ несправедливый процессъ. Однажды вечеромъ я такъ изранилъ ему руки и ноги, что онъ уже не могъ ходить въ послѣдствіи. Потомъ я отыскалъ человека, купившаго этотъ процессъ и тоже славно отдѣлалъ его^{*)}. Послѣ этого, процессъ прекратился. Возблагодаривъ Бога за эту милость, я уже надѣялся прожить нѣкоторое время спокойно».

(Продолженіе впереди).

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ВАРШАВЫ.

Послѣднее письмо къ вамъ, я кончилъ извѣстіемъ о прибытіи въ Варшаву Ристори, нынѣшнее же я начинаю извѣстіемъ о громадномъ успѣхѣ этой гениальной итальянской актрисы. Она являлась у насъ по-переменно, *Медеей*, *Юдифой*, *Федрой* и *Адриенной Лекувереръ*, новѣ этой послѣдней роль, очень неудачно. Мы бы совѣтовали Ристори бросить ее навсегда, потому что она теряетъ въ ней половину своего могущества. За то въ классическихъ произведеніяхъ Ристори довела свой талантъ до высшей степени совершенства и доказала, что соперничество съ бессмертною Рашелью вовсе для нея не опасно.

Послѣ отъѣзда Ристори началось у насъ музыкальное

^{*)} Примѣръ вопіющей жестокости Челлини можно найти во 2-мъ томѣ его жизнеописанія, гдѣ онъ рассказываетъ объ одной изъ его *donne de son plaisir*, которая предпочла ему молодца, исполнявшаго въ домѣ обязанности буйвола.

^{*)} Челлини говоритъ, что во Франціи существовалъ обычай покупать процессы точно такъ какъ теперь покупаютъ векселя. Покупщикъ предлагалъ суму соразмѣрною важности дѣла и затѣмъ приобреталъ всѣ права пѣтца, а этотъ послѣдній участвовалъ въ процессѣ только для формы.

наводнение, среди которого прошел благополучно концерт ученика Серве, виолончелиста *Германа* (Германовскаго). Г. Германъ доказалъ намъ, что истинный талантъ рано или поздно возьметъ свое. Молодой артистъ пѣвучею, пѣжною игрою своею и мастерскимъ исполненіемъ сочиненій своего учителя произвелъ фуроръ. Мы читали одесскіе журналы, гдѣ сказано, что игра г. Германовскаго (онъ извѣстенъ въ Россіи подъ этимъ именемъ), заставляетъ забыть волшебный басокъ *Серве* и *Монтини*, мы вполне раздѣляемъ это мнѣніе и съ удовольствіемъ зачисляемъ его въ рядъ знаменитѣйшихъ исполнителей нашего времени.

Бросивъ въ рѣку забвенія, нѣсколько мелочныхъ концертовъ, или такъ сказать музыкальных огорченій, (а не наслажденій какъ ихъ ложно называютъ иногда) переходимъ къ концерту, данному въ пользу *Моношки*. Знаменитый этотъ композиторъ изнуренный трудами, разорилъ свое здоровье, почему ему необходимо было отправиться за границу и искать облегченія въ минеральныхъ водахъ. Извѣстная своей благотворительностію г-жа Калержи, достойная ученица Шопена) посѣщала оказывать ему свое содѣйствіе, принявъ на себя обязанность распорядительницы этого истинно-музыкальнаго праздника. Наши благородныя соотечественницы съ жаромъ приняли участіе въ этомъ прекрасномъ предпріятіи, и оно увѣнчано было самымъ блистательнѣйшимъ успѣхомъ. Героиня этого фестиваля, г-жа Калержи, мастерски исполнила безсмертныя произведенія Шопена, Юсифъ Вѣнявскій игралъ гораздо лучше чѣмъ въ своемъ собственномъ концертѣ, а виолончелистъ Германъ исполнилъ свою программу съ свойственнымъ ему одушевленіемъ.

Вокальную часть приняли на себя любительницы княжна Янина *Четвертинская* и г-жа *Сыптутовская*, обѣ приняты были съ восторгомъ; княгиня Четвертинская, давно извѣстная какъ весьма талантливая сочинительница, исполнила свою собственную мазурку въ истинно-польскомъ характерѣ. Публики собралось столько, что залъ большого театра, вмѣщающій обыкновенно 1500 человекъ, оказался слишкомъ малъ; многіе принуждены были помѣститься за дверьми, и мы опасались, чтобы галлерея не обвалилась.

Внизу сдѣлался съ нѣсколькими лицами обморокъ отъ жары и давки. *Моношко* получилъ чистаго дохода 3000 руб. сер. Варшава въ тотъ день показала мнѣ во сто разъ лучше обыкновеннаго, а польки во сто разъ милѣе.

Подъ вліяніемъ тамыхъ пріятныхъ впечатлѣній, я шелъ къ своимъ петербургскимъ знакомымъ, прибывшимъ въ Европейскую гостиницу, сдѣлавшуюся съ нѣкотораго времени центромъ, къ которому обыкновенно собирается артистическій кругъ. Тутъ я встрѣтился съ вашей любимицей *Н. В. Самойловой*, и съ солистомъ Императорскихъ Театровъ Свѣчиннымъ, который пріѣзжалъ вмѣстѣ съ пианистомъ *Канилле* дать у насъ концертъ. Г-жа Самойлова уѣхала тотчасъ же, обѣщавшись погостить у насъ дольше на возвратномъ пути въ отечество. Свѣчиннъ же и Канилле остались. Спустя нѣсколько дней, я повидался съ *Н. Н. Куликовымъ*, авторомъ столькохъ остроумныхъ пѣсень, имѣющихъ обыкновенно полный успѣхъ въ Петербургѣ. Куликовъ между прочимъ сказалъ мнѣ, что опера *Халька* про-

извела на него необыкновенное впечатлѣніе и что онъ намѣренъ перевести ее на русскій языкъ, дабы познакомить петербургскую публику съ произведеніемъ польскаго Россини.

Бесѣдуя въ веселомъ кружкѣ о томъ о семъ, я между прочимъ, выслушалъ длинный разсказъ одного меломана, о проэктѣ Аполлинарія Контскаго, устроить въ Варшавѣ Консерваторію, по почтенный дилетантъ наговорилъ мнѣ, Богъ вѣсть какой вздоръ въ родѣ того, что Контскій намѣренъ зимой учить своихъ воспитанниковъ контрапункту, а лѣтомъ отправлять ихъ на работу, къ сапожникамъ, портнымъ и цирюльникамъ. Изъ вѣжливости я не перебивалъ одушевленной рѣчи разговорчиваго господина и... ушелъ купить билетъ на представленіе «*Корсара*». Этимъ балетомъ дирижировалъ въ 1-й разъ новый директоръ балетной музыки извѣстный намъ уже хорошо, по своимъ сочиненіямъ *Михеймеръ*. Постановка этого балета и сравниться не можетъ съ петербургскимъ великолѣніемъ; но за то знаменитая танцовщица *Страусъ* заставила насъ позабыть объ этомъ недостаткѣ, приводя всѣхъ въ восторгъ своими очаровательными танцами и мимикой.

Нѣсколько дней послѣ я былъ на представленіи «*Александра Страделлы*». Эта любимая опера всегда правится и хотя въ тотъ разъ дебютировали въ главныхъ роляхъ новыя пѣвцы и пѣвица, а именно: г. *Стерлингъ* и дѣвица *Довяковская*, но отъ этого прелестное произведеніе Флотова отнюдь не потеряло для насъ своего интереса. Г. Стерлингъ (теноръ) съ большими способностями, діапазонъ голоса его обширный, но требуетъ еще много обработки, онъ еще очень молодъ, ученикъ *Кватрики* здѣшняго дирижера Большой оперы, и пользуется постоянно его совѣтами. Если г. Стерлингъ не увлечется всегда весьма обманчивою для молодыхъ талантовъ самопадѣйностью, то мы смѣло можемъ предсказать ему самую блистательную будущность. У г-жи *Довяковской* серебристый, гибкій голосъ, метода напоминаетъ намъ иногда Лагранжъ. Въ пѣніи г-жи Довяковской уже много чувства и симпатическихъ оттѣнковъ. Если Дирекція обратитъ на нее особенное вниманіе, то мы ручаемся за успѣхъ ея артистической карьеры.

Вскорѣ послѣдовалъ концертъ Дмитріева-Свѣчинна и *Канилле*, но жара, доходящая до 30-ти градусовъ, помѣшала публикѣ собраться, какъ ожидать слѣдовало по громкому имени артиста. Все-таки залъ наполнился и Свѣчиннъ сыгралъ съ истиннымъ одушевленіемъ, какъ вполне усовершенствованный артистъ, нѣсколько своихъ собственныхъ сочиненій и концертную піесу *Арто* и имѣлъ большой успѣхъ. *Канилле* тоже поправился всѣмъ. Варшавскіе журналы провозгласили его достойнымъ преемникомъ Шопена. Онъ исполнилъ *scherzo* его мастерски; въ игрѣ *Канилле* много поэзіи и чувства. Мазурку Антона Контскаго «*Le rêve d'une jeune fille*» заставили его повторить два раза. Вообще *Канилле* былъ принятъ какъ артистъ первостепенный.

Наконецъ тотчасъ же послѣ прибытія Леопольда Мейера и Аполлинарій Контскій, рѣшился дать концертъ вмѣстѣ

съ знаменитымъ германскимъ піанистомъ, объявивъ, что участіе въ концертѣ приметъ любимый пѣвецъ *Добрскій*. Заманчивая программа поощрила Театральную Дирекцію сойтись съ артистами и раздѣлить доходъ па три доли. По этому случаю, спектакля въ тотъ разъ вовсе не было, и концерты дозволено начать въ Редутныхъ залахъ въ 9 часовъ вечера. Сдѣйствіе Дирекціи произвело свой эффектъ: въ концертѣ, несмотря на опустѣвшій городъ собралось болѣе 1000 слушателей.

Контскій сыгралъ концертъ Бетховена съ большимъ оркестромъ и публика аплодировала ему отъ души. Но увя! онъ слишкомъ много рассчитывалъ на симпатію своихъ варшавскихъ поклонниковъ и почитателей его таланта и что-бы произвести фуроръ, выдумалъ уморительно-драматическую сцену, подъ заглавіемъ *Кающійся* (*pokutuik*). Пригласилъ онъ тутъ пропасть хористовъ, хористокъ, притащилъ съ собою *пентакорды**, органы и въ оркестровкѣ ввелъ множество ложныхъ эффектовъ. Программа этой сцены была въ родѣ *Лазаревскихъ* выходокъ. Среди глубокой тишины началась эта сцена, но кончилась общимъ хохотомъ. Публика вдругъ охолодѣла къ прежнему своему любимцу и хотя, при первомъ появленіи его на эстрадѣ, приняла его весьма радушно, но странная мелодія упомянутого сочиненія его, заставила публику призадуматься: не была ли она ослаблена до сихъ поръ? «Это нѣчто въ родѣ: *Послѣдняя суда Лазарева*, вскричали многіе, не стыдно ли Контскому составлять такую нелѣпость». Пусть это послужитъ новымъ докательствомъ, что прошло уже время музыкальных фокусовъ, а свистки, которые раздались во многихъ углахъ залы, убѣдили насъ, что строгіе знатоки музыки умѣютъ отличить серьезное искусство отъ подложнаго. Кому природа дала такой талантъ какъ Аполлинару Контскому, тотъ долженъ знать, какъ пужно поставить и держать себя на скользкомъ артистическомъ поприщѣ.

Г. Леопольдъ *Мейеръ* сдѣлалъ большую ошибку, передѣлавъ совершенно *ноктюрнъ* Шопена на свой ладъ. Публика осталась этимъ очень недовольна и какой-то сѣдовласый господинъ вскрикнулъ громко, привставъ съ нумерованнаго мѣста: «Вы вѣдь играете не вальсъ Шопена, не нужно вашихъ поправокъ». Сочиненіе его «*Воспоминаніе о Неаполѣ*» тоже не имѣло особеннаго успѣха. Одна только *Grillen-Polka*, прошла благополучно, большинство аплодировало, были и такіе, которые шикали. Этотъ жалкій концертъ украшенъ былъ единственно задумчивымъ пѣніемъ *Добрскаго*. Онъ исполнилъ нѣкоторые польскіе романсы съ такимъ чувствомъ и увлеченіемъ, голосъ его до того сохранилъ еще свою свѣжесть, что артистъ былъ вызванъ единодушно нѣсколько разъ и его заставили повторить нѣкоторые нумера. Всѣ удивлялись гигантскому механизму въ игрѣ г. Мейера на фортепіано, но не многіе были очарованы его игрой. Мнѣніе наше объ этомъ концертѣ раздѣлили всѣ здѣшніе журналы. Одинъ только *Сикорскій*, редакторъ мелкаго польскаго изданія, подъ названіемъ: *Музыкальное движеніе* (*Ruch muzyczny*) который постоянно до сихъ поръ нападалъ на Контскаго, на этотъ разъ похвалилъ его, и смо-

трѣлъ сквозь пальцы на все. Контскій посвятилъ ему за то одно изъ новѣйшихъ своихъ сочиненій.

Стоитъ ли упомянуть, что мы имѣли храбрость отпра-виться въ концертъ дѣвицы *Клейншпекъ*, играющей на скрипкѣ. Въ концертѣ было за деньги человекъ 30, даромъ 50, и того 80. Спрашивается, зачѣмъ эти собранія изъ публичномъ зданіи, на когорыя никто больше не ходитъ кромѣ друзей концертанта или концертантки? Зачѣмъ эти вынужденныя рукоплесканія? Глядя на этотъ маскарадъ, намъ поневолѣ приходятъ на мысль слова Бомарше:

Qui est ce donc, qu'on trompe ici
Tout le monde, est dans le secret.

Въ жалкомъ этомъ концертѣ принялъ участіе извѣстный піанистъ *Дулькенъ*, нынѣ сподвижникъ славы Аполл. Контскаго, потому что съ нимъ вмѣстѣ отправился за границу въ г. Позенъ (въ Пруссіи) и давно возбуждавшая любопытство Варшавы ученица *Рожнецкаго* г-жа *Нѣмчикевичъ*. У нея дивное *mezzo-soprano*. Г-жа Нѣмчикевичъ исполнила одну итальянскую арію и одну польскую пѣсню и произвела большой эффектъ. Она напоминала намъ *Демерикъ-Лаблашъ* и *Пильсутскую* (*Madame Honore*) и мы смѣло ставимъ ее на ряду съ замѣчательнѣйшими варшавскими любительницами. Дулькенъ игралъ какъ обыкновенно, съ большимъ искусствомъ.

Варшавская сцена приобрѣла весьма талантливаго драматическаго артиста г. *Траншо*. Онъ извѣстенъ былъ уже какъ актеръ львовскаго театра. Нынѣ же онъ вполне заслужилъ одобреніе варшавской публики. Дебюты его были самые блистательные. У него пріятная наружность, сильный органъ, драматическая акція вполне усовершенствованная. Онъ держитъ себя на сценѣ благородно и вмѣстѣ съ тѣмъ производитъ эффектъ. Онъ знаетъ превосходно исключая роднаго, французскій и русскій языки, и потому можетъ со временемъ сдѣлаться любимцемъ и другихъ Европейскихъ сценъ. Въ комическихъ роляхъ приобрѣлъ тоже извѣстность, г. *Островскій*, братъ талантливой піанистки, ученицы Антона Контскаго.

Дарья Михайловна *Леонова* гостила у насъ и общалась на обратномъ пути въ отечество дать концертъ. Всѣ ее ждутъ съ нетерпѣніемъ, ибо разнесся слухъ въ Варшавѣ, что она пѣла въ одномъ частномъ домѣ, гдѣ провозгласили ее первокласною пѣщицею. Оттуда отправилась г-жа Леонова въ Берлинъ, и вамъ извѣстно уже объ успѣхѣ ея въ столицѣ Пруссіи. И *Дмитріевъ Савчинъ* былъ принятъ въ Вѣнѣ очень ласково. Графиня Эстерхази пригласила его погостить у нея въ Венгрію нѣсколько дней, и на обратномъ пути въ отчизну общалась представить его Ихъ Императорскимъ Величествамъ. Соучастникомъ этихъ овацій былъ Капиале.

Итальянскій фортепіанистъ и композиторъ *Giovanni Terpanova*, собирается уѣхать (или даже уѣхалъ уже) въ Петербургъ найти то счастье на русской землѣ, котораго не нашелъ въ Варшавѣ; не смотря на посредственныя свои способности, онъ увѣренъ въ своемъ успѣхѣ «Блаженъ, кто вѣруетъ!»

Въ Варшавѣ открылась выставка мастерскихъ произведеній заграничныхъ живописцевъ и художниковъ. Абоне-

*) Скрипка о пяти струнахъ.

ментъ открыть по 10 р. с. въ годъ, и подписчикъ имѣетъ право разыгрывать нѣсколько картинъ ежегодно; на выставку эту принимаются и произведенія изящныхъ, туземныхъ артистовъ, которыя высылаютъ пужно на имя *Эмюсскаго и Табаччи*, заведующихъ этимъ предпріятіемъ, пользующимся у насъ полнымъ успѣхомъ. Въ послѣдствіи мы сообщимъ читателямъ нашимъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой занимательной выставкѣ.

Вниманіе варшавской публики обращено нынѣ на послѣднѣйшаго насъ перваго послѣ Мицкѣвича, поэта, *Викентія Поля*. Рядъ праздниковъ привѣтствуетъ его постоянно и онъ нынѣ сдѣлался героемъ всѣхъ литературныхъ собраній и частныхъ музыкальных вечеровъ, на которыхъ исполняются посвященные ему сочиненія.

Варшава имѣетъ польскаго *Гогарта*. Это молодой чертѣжникъ Наполеонъ *Дембицкій*. Съ ловкостью онъ рисуетъ знакомыя намъ фцізіоміи артистовъ, литераторовъ, извѣстныхъ банкировъ и пр. въ родѣ Степановскихъ карикатурныхъ фигурокъ, и всѣ просто въ удивленіи отъ необыкновеннаго сходства съ оригиналами. Въ Варшавѣ вышло изъ печати иллюстрированное изданіе его подъ заглавіемъ *Сцены изъ жизни*. Экземпляры разбираютъ парасхватъ. Цѣна каждому выпуску 1 р. 50 к. сер. Выпускъ состоитъ изъ 6-ти листовъ. Я хотѣлъ вамъ еще кое что написать, но вдругъ былъ испуганъ, перо выпало изъ рукъ, мнѣ сообщили, что какой-то ученикъ выстрѣлилъ въ себя изъ пистолета, въ церкви среди бѣлаго дня, отъ того что не былъ переведенъ въ слѣдующій классъ. Доктора имѣютъ надежду спасти его.

И такъ прощайте!

ВАШЦРЬ.

Варшава.

22 іюня
4 іюля 1858 года..

ИНОСТРАННЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Въ Парижѣ жары доходятъ до 35 градусоѡъ и самыя отчаянныя театралы не могутъ рѣшиться заглянуть въ театральную залу, какъ бы ни заманчива была афиша. Нѣкоторые театры, однакожь, съ спарганскою стойкостью, продолжаютъ представленія и бѣдные артисты принуждены играть для самаго ограниченаго числа зрителей и то явившихся въ театрѣ рали даровыхъ билетовъ. Исключенія бываютъ рѣдки. Въ театрѣ Гимназія (Gymnase) давали недавно небольшую комедію Александра Дюма (отца) «*L'Homme est satisfait*» (Честъ удовлетворена), которая, несмотря на жары, имѣетъ нѣкоторый успѣхъ, благодаря забавной роли англичанина, прекрасно исполненной Ландролемъ и вѣроятно удержится въ репертуарѣ. Въ театрѣ *Разнообразія* тоже явилось нѣсколько водевилей въ высшей степени мелочныхъ, а потому не станемъ и говорить о нихъ. Одинъ только Амбиги (*L'Ambigu*) показалъ примѣръ храбрости: послѣ нѣкотораго молчанія онъ объявилъ вдругъ новую большую драму въ шести актахъ и девяти картинахъ, сочиненія

или вѣрнѣе сказать фабрики Анисе Буржуа и Фердинанда Дюге. Сюжетъ драмы, постановка которой необыкновенно великолѣпна, заимствованъ изъ разсказа помѣщеннаго въ «*Presse*» и «*Voleur*» подъ заглавіемъ «*Журналъ английской дамы*», и заключается въ побѣгѣ одной бѣдной женщины, преслѣдуемой возмущившимися Индійцами и обреченной присутствовать при гибели своего мужа, дѣтей и жениха дочери. Побѣгъ этотъ далъ авторамъ возможность написать плачевно-трогательную піесу, «*les fugitifs*» которая при богатствѣ декораций и костюмовъ привлекаетъ средній классъ, заливающійся слезами и хлопающій до неистовства. «*Folies Dramatiques*» дѣлаетъ порядочные сборы новою піесой *Les canotiers de la Seine*—(перевозчики на Сенѣ). Сотни парижскихъ перевозчиковъ наполняютъ залъ, изъясняя громогласно свой восторгъ авторамъ и актерамъ. Послѣ перваго представленія они дали актерамъ великолѣпный ужины. Сюжетъ заключается въ себѣ мѣстный интересъ, а потому и не разсказываемъ его. Каждый вечеръ стеченіе публики увеличивается,—директоры торжествуютъ одержавъ побѣду надъ тропическими жарами. Остальная часть парижскаго народонаселенія стремится ежедневно загородъ и проводитъ вечера въ *Près-Catelan*, гдѣ помѣщается роскошный театръ *Théâtre des fleurs*. Тридцать шесть очаровательныхъ датскихъ танцовщицъ приводятъ въ восторгъ многочисленныхъ зрителей исполненіемъ нѣмецкаго балета: «*Claribella*», музыка къ которому написана г-жею Ланперъ, дочерью знаменитаго германскаго композитора. Если жары имѣютъ такое неблагопріятное вліяніе на парижскій театръ, то за то экскентричныя Англичане не обращаютъ вниманія на палящій зной и наполняютъ театры, рѣшительно каждый вечеръ. Нынѣшній сезонъ въ Лондонѣ въ полномъ смыслѣ блистателенъ. Въ театрѣ Королевы Донъ Жуанъ смѣненъ Свадьбой Фигаро. Видно, что г. Лумлей умѣетъ поддѣлаться подъ вкусъ лондонскихъ дилетантовъ, обожающихъ Моцарта. Г-жа Тиченсъ превзошла себя; г-жа Пиколомини какъ и всегда очаровательна въ роли Сусанны; г-жа Ортолани увлекательна въ лицѣ маленькаго пажка. Мужскія партіи тоже превосходно исполняются г-дамы Беллетти, Беляръ, Бенавентано и Росси; при такой обстановкѣ нѣтъ ничего удивительнаго, что чудное произведеніе Моцарта заставляетъ забывать жары и привлекаетъ толпу.

Съ Гугенотами, Травіатой, Троваторе, Дочерью полка, Донъ Жуаномъ и Свадьбой Фигаро и съ артистами каковы г-жи Альбони, Тиченсъ и Пиколомини и гг. Джульини, Беллетти, Веляръ и другіе — Лумлей дѣлаетъ чудеса. Недавно давали въ первый разъ «*Лунзу Миллеръ*» — Верди,—новое торжество г-жи Пиколомини и г-на Джульини. Балетъ тоже занимаетъ довольно видное мѣсто. Для выхода любимицы лондонской публики г-жи Маріи Тальони давали новой дивертиссементъ подъ названіемъ: «*Королева сновъ*», забавный сюжетъ и богатая монтровка доставили автору, балетмейстеру Массо, полный успѣхъ. Г-жа Тальони исполняетъ главную роль повелительницы королевства сновъ и трудно было бы сдѣлать лучшей выборъ. Эта молодая танцовщица очень хороша собой, граціозна и выстъ съ тѣмъ скромна, танцы ея отличаются если не силою,

то большим изяществом и правильною, въ особенности ея позы весьма благородны и увлекательны; вообще г-жа Тальони необыкновенно симпатична. Изъ другихъ танцовщицъ мы должны упомянуть прелестныхъ корифеевъ г-жъ Морляки, Розу (ученицу Гослена), Бровель и Парпесъ. Въ свою очередь Ковенгарденскій театръ какъ своимъ составомъ такъ и сборами не уступаетъ театру Королевы. Тутъ первое мѣсто занимаетъ любима наша г-жа Бозіо. Послѣ блистательнаго успѣха въ Травіатѣ, она явилась въ Севильскомъ Цирюльникѣ вмѣстѣ съ гг. Маріо и Ронкони и была предметомъ самыхъ восторженныхъ овацій. Затѣмъ слѣдовалъ Фра-Діаволо, пользующійся въ Лондонѣ огромнымъ успѣхомъ, благодаря г-жѣ Бозіо и гг. Гардони и Ронкони. Въ третьемъ дѣйствіи г-жа Зипа Ришардъ исполнила увлекательную Салтареллу и произвела что называется рѣшительный фуроръ; соотечественница наша имѣла одинъ изъ тѣхъ успѣховъ, которые достаются въ удѣлъ только знаменитостямъ. Извѣстный критикъ Жюль Жаненъ, какъ видно, не ошибся, поставивъ ее на ряду съ Ферарисъ и Розати. Первое представленіе Марты уже объявлено, главная роль поручена г-жѣ Бозіо, прочія распредѣлены между г-жею Нантье Дидье и гг. Маріо, Граціани и Ронкони. За то дѣла Друри-Ланскаго театра идутъ плохо; чтобы поправить свои обстоятельства, директоръ ангажировалъ г-жъ Віардо, Персіани и г. Тамбурини. Концерты продолжаются своимъ чередомъ и число ихъ увеличивается до безконечности. Г-жа Шарвади (Клаусъ) распростилась съ лондонскою публикою; ея мѣсто заняла прелестная піанистка Арабелла Годдаръ, у которой какъ извѣстно много поклонниковъ. Юхимъ продолжаетъ быть львомъ сезона. Исчислить всѣ концерты, даваемые ежедневно въ Лондонѣ, рѣшительно невозможно, нужно бы исписать десятки листовъ; упомянемъ только о фортепіанистѣ Блументагѣ, исполнившемъ въ залѣ роскошнаго отеля маркизы Д. свои граціозныя произведенія съ огромнымъ успѣхомъ, между прочими въ особенности понравилась характеристическая піеса: «Le départ du vaisseau»—(Отъѣздъ корабля). Какъ видите, европейскій театральный и музыкальный міръ сосредоточенъ весь въ Лондонѣ, тамъ всѣ знаменитости, а потому другія столицы представляютъ намъ мало интереснаго и всѣ новости мы можемъ ограничить нѣсколькими строчками. Въ Генуи на театрѣ Carlo Felici давали съ необыкновеннымъ успѣхомъ «Норму», исполненіе было замѣчательно хорошо, благодаря талантамъ г-жи Леспевской и гг. Гальвани, Ангри и Мерли, одного изъ лучшихъ пѣвцовъ Италіи. Въ Миланѣ дана съ успѣхомъ новая опера воспитанника консерваторіи г. Санпи, подъ названіемъ: «La Fidanziata». Ботезини знаменитый контрбасистъ далъ два концерта въ Туринѣ и возбудилъ энтузіасмъ. Римская Академія св. Цециліи переслала сестрамъ Ферии (находящимся нынѣ въ Неаполѣ) дипломъ на званіе академика и титулъ профессора той академіи.

Въ Германіи нѣтъ рѣшительно ничего новаго; какъ и у насъ, вездѣ владычествуютъ загородные оркестры или даются фестивали обществомъ пѣвцовъ (Lieder tafel), изъ ко

торыхъ въ особенности отличаются общества изъ Мангейма, Гейдельберга, Карlsruэ и Фрибурга. Въ Мюнхенѣ изобрѣтень новый музыкальный инструментъ г. Юберланеромъ (играющимъ на цитрѣ). Два діапозона, уставленные въ полукругѣ приводятся въ вибрацію посредствомъ колеса, которое въ свою очередь приводится въ дѣйствіе ногами, касаясь діапозоновъ точно также какъ смычекъ струнъ скрипки, и достигая такимъ образомъ пріятныхъ и гармоническихъ звуковъ. На инструментѣ этомъ играютъ также какъ на фортепіано, только съ тою разницею, что клавиатура расположена не въ прямой линіи, а въ полукругѣ.

Если судить по жалованью какое артисты получаютъ въ Америкѣ, то страна эта, безъ сомнѣнія эльдорадо всѣхъ пѣвцовъ, тамъ прима-донна получаетъ столько же, сколько президентъ соединенныхъ штатовъ, хористъ получаетъ четыре тысячи франковъ въ годъ. Пѣвцы, согласно заслугамъ, получаютъ отъ двѣнадцати до сорока тысячъ франковъ и больше. Что же касается до первостепенныхъ виртуозовъ, то они заставляютъ платитъ себѣ отъ ста до ста двадцати тысячъ франковъ въ годъ.

Читателямъ нашимъ вѣроятно извѣстно, что знаменитая пѣвица Генріета Зонтагъ (графиня Росси) скончалась скоропостижно въ Мексикѣ въ 1854 году, по вѣроятно немногіе знаютъ мѣсто, гдѣ поконится одна изъ замѣчательныхъ въ мірѣ пѣвицъ. Графъ Росси не пожелалъ оставить бранныя остатки своей супруги въ такой отдаленной странѣ и перевезъ ихъ въ Европу въ монастырь С. Маринталь въ Саксоніи, гдѣ они 4 мая 1855 года въприсутствіи родственниковъ были опущены въ скляпки часовни св. Михаила. Неутѣшная мать графини, достигшая пылѣ глубокой старости, часто посѣщаетъ съ родственниками могилу своей дочери. 17 іюня 1856 года, прибылъ туда графъ Росси. Наканунѣ этого дня привезенъ былъ драгоценный и великолѣпный гробъ, заказанный графомъ въ Дрезденѣ. Въ этотъ гробъ, положенъ былъ прежній, скромный, съ дорогими остатками. У подножья находится надпись изъ Св. Писанія. На крышѣ помѣщены слѣдующія слова: Тутъ въ Бозѣ поконится Генріета Зонтагъ, по мужу графиня Росси, урожденная въ Кобленцѣ, 3 января 1806 и скончавшаяся въ Мексикѣ 17 іюня 1854 года; слѣдуютъ стихи въ честь ея (на нѣмецкомъ языкѣ). Между доскою съ надписью и крестикомъ положенъ лавровый вѣпокъ, на листахъ котораго слѣдующая надпись: Лучшей супругѣ и матери, вѣрнѣйшей подругѣ, прелестнѣйшей и любезнѣйшей женщинѣ, величайшей пѣвицѣ посвящаетъ великій герцогъ Мекленбургъ Стрелицкій. 17 іюня 1856 г.

Причина, почему именно монастырь этотъ избранъ былъ мѣстомъ вѣчнаго жилища графини Росси, заключается вѣроятно въ томъ, что здѣсь 4 мая 1846 г., пострижена въ монахини сестра ея Нина Зонтагъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

изданныя и продающіяся въ магазинѣ

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

бывшемъ Н. Меца, въ Большой Морской, въ домѣ Лауфберта № 27, въ С. Петербургѣ.

Pour le Piano seul.

(Для одного фортепiano въ двѣ руки).

HÜNTEN, Fr. Le Charme des jeunes pianistes. Trois morceaux sur des thèmes favoris, op. 70	1	15
» Suisse et Tyrole. Pièces agréables, op. 89 liv. 1, 2, chaque		75
» L'Alliance. 3 airs favoris variés, op. 101	1	—
» Thème favori de l'opéra: La Figurante, op. 105 № 2.		85
» «Air russe» Красный сарафанъ, op. 108.	1	15
» Deux rondos sur l'opéra: «Zaar und Zimmermann» op. 110, № 1, 2, chaque		85
» Quatre rondinos, op. 112 Cah. 1. La Nina Gondoliera de Donizetti, et chœur des Moissonneurs de L'Elisire d'Amore		75
» Op. 112 Cah. 2. Cavatine de la Symphonie de Clapissou et mélodie Suisse		75
» Trois airs variés, op. 113.		
» № 1. Mélodie de Donizetti		85
» № 2. Mélodie de Vaccay		85
» № 3. Mélodie de Proch		85
» La belle Tyrolienne Variations, op. 116		75
» Les bords du Rhin. Valse brillante, op. 120		85
» Rêveries mélancoliques, op. 129, № 2		60
» Rose et Bleuet, op. 131, № 1		85
» Les Chants d'Italie, op. 132, Cah. 1	1	—
» do. op. 132, Cah. 2	1	—
» do. op. 132, Cah. 3	1	—
» Le Diadème, sur l'opéra: Elisire d'amore, op. 133		85
» Fantaisie sur la Sonnambula, op. 141		85
» Sérénade de Bellini, op. 146		75
» Une fleur. Valse brillante, op. 149		75
» Fleurs des bois, op. 159. № 1. L'Épine blanche.		60
» do. op. 159, № 2. La boule de Neige		60
» do. op. 159, № 3. L'accacia rose		60
» op. 179, № 1. Sérénade de Schubert. Transcription facile		30
» La Cérigo. Valse brillante		50
» Repos de l'Étude. Collection de morceaux d'une difficulté progressive et doigtés. liv. 1, 2, 3, chaque à		75
» Fantaisie sur l'opéra: Il Trovatore		60
* JADIN. Nocturne		85
KALKBRENNER, Fr. Rondino, op. 32		70
» Polonaise brillante, op. 55		70
» Grand concerto, op. 61.	1	70
» Adagio et Rondo du concert, op. 61	1	50
» Les Charmes de la Valse. Trois valses, op. 73		60
» Introduction et rondo brillant, op. 101		85

KALKBRENNER, Fr. Rondo fantastique, op. 106		75
» Le Rêve. Grande fantaisie, op. 113	1	15
» Tyrolienne de Malibran, variée, op. 115	1	—
» Thème du ballet: «L'Orgie» arrangé, op. 117		85
» Fantaisie et variations sur l'opéra: la Straniera, op. 123		85
» Variations sur une pensée de Bellini, op. 131	1	15
» Le Fou. Scène dramatique, op. 136.	1	15
» L'ange d'échu. Fantaisie, op. 144	1	15
» Fantaisie et variations sur le Cor des Alpes de Proch, op. 147	1	15
» Impromptu ou Introduction, variations et rondeau.	1	15
» La Femme du marin. Pensée fugitive		40
KELKBRENNER et MAZINGHI. Pièces faciles et progressives.		60
* KONTSKY, Antoine de. Fantaisie sur l'opéra: Simon Bocca-negra de Verdi, op. 176	1	15
» Gage d'amitié, op. 177		75
KRÜGER. Op. 60. Addio et le célèbre Misérère de l'opéra: Il Trovatore		75
KUCI. Les Folies d'Espagne. Variations		85
KÜFFNER. Potpourri sur des opéras de Rossini		85
KUHLAU. Quatre rondos faciles, op. 88		75
» Cavatine de l'opéra: Pirate, variée, op. 112, № 1.		70
» Mélodie Autrichienne, variée, op. 112, № 2		70
» Thème de Hummel, varié, op. 112, № 3		70
» La Légèreté. Rondeau brillant, op. 120		85
KULLAK, Th. Paraphrases. № 1. Norma. № 2. Lucrezia. № 3. Puritani, chaque		85
» Grace, grace! de Robert le Diable, op. 6		75
» La Coquette. Pièce caractéristique		75
» Cavatine de Robert le Diable, facilité par Wagner.		60
» Elegie d'Ernst, facilité, par Wagner.		60
» Final de Lucrezia Borgia.		85
» Le Carnaval de Venise, facilité par Wagner		85
* LACOSTE. La Matinée de Campagne. Fantaisie		85
» Potpourri sur des airs russes en Rondeau.		70
» Rondeau		60
* LASKOWSKY, J. Valse à la Juive		75
» Deux nocturnes		85
» Galop brillant, op. 10		85
LECARPENTIER. Adieu. Mélodie de Schubert, transcrite		60
» Fantaisie sur le Cor des Alpes de Proch	1	—
» Fantaisie sur Ernani de Verdi		75
» La Redowa		40
» Trois danses du ballet: Paquita		60
LEFÉBURE-WÉLY. Op. 54. Les cloches du monastère		60
» Op. 100. Mazurka élégante		60
» Op. 102. Les clochettes du pâtre		60

(Продолженіе въ слѣдующемъ №)